

Вер. Москва. - 1989. - 14 нояб.

...ТЕЛЕФОННЫЙ звонок разбудил меня в 8 часов утра (я ложусь и встаю очень поздно). Бодрый молодой голос сообщил:

— Добрый день, уважаемый Никита Владимирович! ЦК комсомола вас приветствует! Как творческие дела? Как здоровье? Как семья? — И тут же, не дожидаясь ответа: — Я звоню вам по поручению нашего первого секретаря, Николая Александровича. Он очень просил вас, именно лично вас, приехать сегодня к нам на встречу с комсомольским отрядом, уезжающим на ударную стройку в Сибирь (потом я узнал, что до этого трое моих коллег по разным причинам отказались от аналогичных приглашений). — Все ребята вас очень ждут. Машина с нашим товарищем будет у вашего подъезда в 15 часов. Начало встречи ровно в 15.20. Это ненадолго, всего на полчаса!

Преисполненный уважения к этой организации и польщенный личной просьбой Первого, я ровно в 15 часов был внизу. Прождал полчаса (замерз, зима). Вернулся домой. Еще минут через десять позвонила на этот раз уже женщина, что-то смутно бормоча насчет поломки машины и гневно обещающая: «Бондаренко ответит за все!».

Короче говоря, в 16 часов я с трудом нашел машину, стоящую за три подъезда от моего и не с тем номером, который мне был четко продиктован. Никакого «сопровождающего товарища» там не было.

В ЦК меня никто не встретил, охранник без пропуска не пустил, а в бюро пропусков моей фамилии не имелось.

С трудом дозвонившись по внутреннему телефону до пригласившего меня товарища, так же сообщившего, что «Бондаренко ответит за все», я, наконец, дождался какой-то мрачной девицы, проводившей меня наверх и оставившей одного в небольшом кабинете. На столе валялось в беспорядке несколько папок, на одной из них я заметил гриф «Секретно».

В течение долгого времени я несколько раз выглядывал в коридор, но пробегавшие мимо молодые (и не очень) лица обоим пола не обращали на меня никакого внимания. Только какой-то юноша заглянул в кабинет, не поздоровавшись спросил: «Бондаренко не появлялся?» и тут же скрылся.

Еще минут через двадцать появился солидный лысый мужчина и таинственно поманил меня пальцем. Мы вышли в коридор и оказались в большой толпе разного возраста деятелей, чем-то неулловимо друг на друга похожих. Раздался взволнованный шепот: «Идет, идет!» и все присутствующие (увы, и я тоже) выстроились в цепочку по обеим стенам коридора. Потом все почтительно замолкли и в коридоре, наконец появился Первый. Николай Александрович медленно и важно шагал, орлиным взором окидывая на ходу заставших у стен подчиненных. За ним трусилась стайка ближайших соратников, сгруппировавшихся явно по ранжиру. Было отчетливо заметно, что все они появились после интенсивного обеда.

Николай Александрович, заметив меня в

Предлагаем вашему вниманию отрывок из будущей книги воспоминаний Никиты Владимировича Богословского. Названия у нее пока нет, последние страницы еще не написаны, и срок опубликования неизвестен... А что же тогда есть?

Сам Никита Владимирович называет ее книгой «о том, что было и чего не было». И утверждает при этом, что все, рассказанное ниже, в действительности было.

«Бондаренко ответит за все!»

За свою довольно долгую творческую жизнь я всего два раза побывал в ЦК ВЛКСМ.

«Линейке», крайне удивился.

«А вы как сюда попали?» — поинтересовался он. Я был с ним знаком раньше, пытался что-то объяснить: дескать, я по вешему, личному, — но он, недослушав, приветливо кивнул и проследовал в зал, где уже сидела небольшая группа молодых ребят и девушек, недовольная длительным ожиданием.

При появлении Первого все, как школьники перед педагогом, встали и сели опять после разрешающего жеста.

На сцену вышел молодой кудрявый паренек и, объявив о нашей встрече, назвал меня правильно по имени-отчеству, но фамилию заменил на «Богуславский».

В зале раздалось недовольное гудение, поскольку о моем появлении никто не знал, а ребятам после долгого и нудного собрания был обещан кинофильм «Тарзан». Но потом все наладилось, обошлось, и встреча, как говорится, прошла в «теплой и дружеской атмосфере».

Надо сказать, что сразу после объявления моей искаженной фамилии Первый поднялся, мило передо мной извинился и, сославшись на неотложную встречу «в самых верхах», покинул помещение в сопровождении всех своих соратников, которые, я думаю, к предстоящему важному свиданию вряд ли были причастны.

Машины — чтобы вернуться домой после встречи, — естественно, не оказалось, и под привычные выкрики «Бондаренко ответит за все!» я отбыл из ЦК своим ходом.

Через несколько дней я получил от ЦК благодарность за «продланную работу по поднятию духовных сил советской молодежи». Мое отчество и фамилия были правильными, но после слова «уважаемый» стояло не Никита, а Николай. Подписана благодарность была не Первым — неразборчивая подпись напоминала фамилию «Бондаренко»...

Второй раз все произошло почти совершенно так же, но Первого звали уже не Николай Александрович, а Евгений Михайлович. А звонок был тоже в 8 утра, но накануне встречи.

Наученный предыдущим опытом, я приехал в ЦК самостоятельно. Пропуска, конечно, не было. Но мне удалось все же проникнуть в здание после долгих объяс-

нений и предъявления корреспондентского удостоверения «Комсомольской правды» с многозначительным штампом «пожизненно»*.

Меня провели в тот же кабинет. Но на столе уже не было папки с грифом «Секретно», видимо, бдительность в ЦК повысилась. Впрочем, дальше было все, как в прошлый раз. Длительное ожидание в одиночестве, торопливый призыв, шеренги по коридорным стенкам, удивление Евгения Михайловича, увидевшего меня здесь по «его личному приглашению» (на этот раз я у стенки не стоял, а смело пошел к нему навстречу). Невольное гудение аудитории, одетой в странную форму, напоминающую мундиры бельгийских летчиков, объяснялось тем, что им ранее был обещан Аркадий Райкин. А меня, как и в первый раз, никто из них не звал.

При объявлении моего выступления фамилия и имя были названы правильно. Неточность была только в отчестве — я стал «Сергеевичем». На мою реплику, что, дескать, «Никита Сергеевич писал ноты, а я музыку», — никакой реакции не последовало. Но, в общем, все опять обошлось вполне достойно. Обратной машины мне никто и не предлагал, я же заранее себя обезопасил. Не было также гневных выкриков «Бондаренко ответит за все!» — к этому времени эту таинственную личность либо изгнали за нерадивость, либо послали куда-нибудь секретарем обкома. А Евгений Михайлович удалился не сразу после объявления моего выступления, а минут через пять без объяснения причины. И вся его свита за ним.

ПОСЛЕ этих визитов я долгое время не отвечал на телефонные звонки, раздававшиеся ранним утром...

Никита БОГОСЛОВСКИЙ,
народный артист СССР.

* С этим удостоверением — № 0525 произошла такая вещь: редакция «Комсомольской правды» предсказала дату моей кончины. К штампу «пожизненно» там было добавлено «действительно до 31 декабря 1968 года». После выраженного мной недоумения и тревожных предчувствий эту дату зачеркнули тушью и, чтобы усилить слово «пожизненно», вписали туда еще и «бессрочно». В таком виде его я и храню. Н. Б.